

СТИХОТВОРНАЯ МИНИАТЮРА В. А. ЖУКОВСКОГО POETIC MINIATURE OF V. A. ZHUKOVSKY

Аннотация: В статье разграничивается широкое понятие «стихотворная миниатюра» (стихотворения объемом от одной до девяти строк разных жанров) и более узкое понятие «лирическая миниатюра» (один из жанров стихотворной миниатюры). В поэзии В. А. Жуковского выявлено 183 миниатюры, в которых функционирует восемь жанров. Определены частотность и отмечены характерные черты жанров. Материал рассмотрен в синхроническом и диахроническом аспектах.

Ключевые слова: В. А. Жуковский; лирика; жанр; стихотворная миниатюра; лирическая миниатюра.

Abstract: The article distinguishes between the broad concept of «poetic miniature» (poems with a volume of one to nine lines of different genres) and the narrower concept of «lyrical miniature» (one of the genres of poetic miniature). In V. A. Zhukovsky's poetry were identified 183 miniatures, which are functioned eight genres. Frequency is defined and characteristic features of genres are marked. The material is considered in synchronic and diachronic aspects.

Keywords: V. A. Zhukovsky; lyrics; genre; poetic miniature; lyric miniature.

В современном отечественном литературоведении отмечается повышенный интерес к проблеме миниатюры как яркой содержательной формы художественного произведения. Наиболее исследованной оказалась прозаическая миниатюра, по функционированию которой появилась даже обобщающая работа [3]. Исследованию интересующей нас стихотворной миниатюры мы обязаны прежде всего А. Б. Есину, организовавшему издание антологии «Русская стихотворная миниатюра» со своей вступительной статьей «Похвальное слово миниатюре» [6] и опубликовавшему глубокую научную статью «Стихотворная миниатюра в системе жанров русской лирики» [7]. Осмысление материалов и выводов А. Б. Есина, а также работ по миниатюре И. Л. Альми [1], М. Л. Гаспарова [4], О. И. Налдеевой [18] позволило нам прийти к выводу, что стихотворную миниатюру можно рассматривать в двух смыслах: в широком смысле – как произведение малого объема, которое может быть любым стихотворным жанром, и в узком смысле – как лирическую миниатюру, специальный жанр, являющийся одним из жанров миниатюры в широком смысле. Такой подход мы уже применили при исследовании миниатюр основоположника русского сен-

тиментализма Н. М. Карамзина [13]. Целью данной статьи является аналогичное исследование миниатюры первого русского романтика В. А. Жуковского.

Исследованию поэзии В. А. Жуковского посвящены разноаспектные труды Б. М. Эйхенбаума [22], И. М. Семенко [21], А. С. Янушкевича [23], Ф. З. Кануновой [12], Р. В. Иезуитовой [11] и других, но, насколько нам известно, специального исследования миниатюр Жуковского в настоящее время нет.

В своеобразном каталоге жанров, составленном самим Жуковским в качестве «Оглавления» последнего прижизненного собрания сочинений (см. [16]), миниатюра как жанр не выделена. Между тем в первом и втором томах академического «Полного собрания сочинений и писем В. А. Жуковского» [8; 9] присутствует достаточное количество стихотворений малого объема, которые поэт печатал рядом с большими по объему произведениями, не выделяя их в отдельный раздел. Для достижения поставленной цели изучения миниатюр Жуковского в широком смысле слова мы, в числе первоочередных, ставим следующие задачи: составить корпус текстов миниатюр, определить набор и частотность жанров, проанализировать полученные статистические жанры в синхроническом и диахроническом аспектах.

Вслед за А. Б. Есиным мы считаем миниатюрой стихотворения объемом от одной до девяти строк (1-стишие – явление редкое, у Жуковского одностийший нет). В названных двух томах академического издания Жуковского – 568 стихотворений (мы учли и стихотворения раздела «Из черновых и незавершенных рукописей»). Среди 568 стихотворений мы выявили 183 миниатюры, что составляет 32,2 %, т. е. почти треть всех текстов. 18 миниатюр состоят из двух строк («Сей камень над моей возлюбленной женой! ...», «Забудь житейские заботы, ...», «В невинности души твоей...» и др.); два стихотворения – из трех строк («Радость иль кручину? ...», «Смертный! смерти учись на могиле вечного града! ...»); 74 миниатюры – из четырех строк («Дружба», «Моя тайна», «Антипатия» и др.); 10 – из пяти строк («Лисица и Обезьяна», «Бык и Роза», «В Сардамском домике» и др.); 19 миниатюр – из шести строк («Брутова смерть», «Милосердие», «Приход весны» и др.); 9 стихотворений – из семи строк («Дуб», «Пастух и Соловей», «Стремление» и др.); 46 миниатюр – из восьми строк («Под липою весной...», «Завоевателям», «Кто слез на хлеб свой не ронял...» и др.). Средний объем составляет 5,3 строки. Если иметь в виду, что средний объем всех стихотворений Жуковского, по данным С. А. Матяш [15, с. 18], составляет 41,5 строки, то ясно, что миниатюры Жуковского составляют впечатляющий контраст с окружающими их крупными стихотворениями поэта. Приведенные данные по объему строк говорят о том, что среди миниатюр Жуковского значительно преобладают 4-стишия (у Карамзина была аналогичная картина); далее по частотности следуют 6-стишия и 2-стишия, т. е. тексты четного объема, что, очевидно, объясняется большей разработкой рифмопар (в сравнении с более протяженными рифменными цепями).

При определении жанрового состава миниатюр мы руководствовались прежде всего жанровыми номинациями в заглавии, подзаголовке произведений или в рубрике (в том числе учитывались предварительные публикации, сведе-

ния о которых были почерпнуты из Примечаний в академическом издании). Но таких данных оказалось немного: номинация «надпись» имеется в одной миниатюре («Надпись к солнечным часам в саду И. И. Дмитриева»), номинация «мадригал» – также в одной («Старик к молодой и прекрасной девушке, мадригал»), 16 миниатюр печатаются в академическом издании под рубрикой «Эпиграммы» на основании названия отдела в автографе поэта [8, с. 491]. Во всех перечисленных случаях жанровая номинация соответствует жанровому содержанию текстов. Несоответствие наблюдается с номинацией «эпитафия»: «Эпитафия лирическому поэту» – эпиграмма. (О других подобных фактах скажем чуть позже). Во всех остальных случаях мы определяли жанр миниатюры, руководствуясь известными признаками жанра. В 183 миниатюрах Жуковского мы выделили восемь жанров. Это – в порядке убывания частотности – следующие жанры: эпиграмма, послание, лирическая миниатюра (стихотворная миниатюра в узком смысле слова), буриме, эпитафия, басня, надпись, мадригал. Для сравнения укажем, что при аналогичном подходе в поэзии Н. М. Карамзина в 82 миниатюрах выделяется пять жанров, дающих в порядке убывания частотности такой ряд: лирическая миниатюра, надпись, эпиграмма, эпитафия, мадригал. Сопоставление двух перечней жанров миниатюр показывает, что Жуковский не только освоил все жанры, разработанные сентиментальной поэзией (разновидности «безделок»), но и значительно расширил жанровую палитру миниатюр.

Рассмотрим выявленные жанры миниатюр Жуковского более подробно. Самую высокую частотность среди миниатюр (34 %) имеет эпиграмма. Такой интерес Жуковского к эпиграмме – малому сатирическому жанру с заключительной остротой (пуантом) – может быть объяснен взглядами Жуковского на сатиру, выразившимися в статье «О сатире и сатирах Кантемира». На собственный вопрос: «Каков предмет сатиры», – Жуковский уверенно отвечает: «Осмеяние человеческих заблуждений, глупостей и пороков» [10, с. 197]. Все заблуждения, глупости и пороки искореняются, по мнению поэта, с помощью насмешки: «Насмешка сильнее всех философских убеждений опровергает упорный предрассудок и действует на порок: осмеянное становится в глазах наших низким <...>» [10, с. 198]. Сказанное, безусловно, относится не только к жанру сатиры (к сатире в узком смысле слова), чему посвящена статья, но и к сатире в широком смысле слова как способу осмеяния пороков в любом жанре. И вот в эпиграммах Жуковский смеется над такими пороками, как карьеризм и низкопоклонство («Трим счастья искал ползком и тихомолком ...»), завышенные претензии графоманов («Брутова смерть»), скупость («Барма, нашед Фому чуть жива, на отходе...»), пьянство («Антипатия»), бездарность судей («Скажи, чтоб там потише были!..») и др. Практически все эпиграммы Жуковского являются антологическими: они направлены на общечеловеческие пороки, используют условно поэтические имена (Трим, Фефил, Барма и др.). Среди 62 эпиграмм Жуковского нет ни одной так называемой злободневной эпиграммы, высмеивающей конкретное лицо. Объяснение этой особенности типологии эпиграмм можно также найти в эстетических взглядах поэта. В цитируемой выше статье Жуковский пишет: «Один человек не может быть образцом

для других ни в добре, ни в зле: стихотворец изображает нам только то, что свойственно всему человечеству <...>» [10, с. 200]. В этом отношении Жуковский близок Карамзину, у которого не было злободневных эпиграмм.

Большинство эпиграмм Жуковского переводные. Сопоставление их с оригиналами сделано в содержательной статье Е. П. Литинской [14], отметившей в процессе сопоставления ряд художественных достоинств эпиграмм русского поэта. В связи с заявленной темой нашей работы укажем на одну особенность рассматриваемой группы миниатюр: значительное число эпиграмм использует форму эпитафии. Помимо уже названной выше «Эпитафии лирическому поэту», высмеивающей бездарного поэта, у Жуковского есть еще шесть стихотворений, написанных в 1814 году («Моту», «Хромому», «Пьянице», «Грамотею», «Толстому эгоисту», «Завоевателям»), которые во всех собраниях сочинений печатаются под рубрикой «Эпитафии». Интересно, что составители антологии «Русской эпиграммы» (1975; 1988) считают эти тексты эпиграммой, а составители антологии «Русской стихотворной эпитафии» (1998) – эпитафией. В перечисленных выше миниатюрах Жуковский воссоздает главные стилевые приметы эпитафии («Здесь лежит ...», «Под камнем сим ...» и т. п.), но стихотворения заканчиваются остротой (эпиграмматическим пуантом), имеют тон насмешливый, а не панегирический. Авторы глубокой вступительной статьи в антологии эпитафии С. И. Николаев и Т. С. Царькова называют подобные тексты «эпитафией-эпиграммой» и отмечают, что количественный взрыв этой формы происходит в середине века [19, с. 23–25]. Жуковский, как видим, опережает время.

Второе место (22 %) в миниатюре Жуковского занимает послание. Корпус посланий составлялся на основе константного признака жанра – наличия адресата в названии или в тексте стихотворения. Кроме того, оказалось, что миниатюрные послания с адресатом имеют и дополнительный признак жанра, на который указала С. Ю. Артемова, – наличие «коммуникативной ситуации» [2, с. 177]. Комментарии академического издания показывают, что тексты мини-посланий Жуковского являются ответом на просьбу, продолжением прерванной переписки или прерванного разговора и т. п. Адресатами посланий являются родственники, близкие, друзья-поэты, известные лица. Жуковский, ценивший в поэте разнообразие слога [10, с. 201], этого разнообразия достигает больше всего в посланиях. Здесь и торжественные послания («Платону неподражаемому, достойно славящему Господа»), и любовные («Елизавете Рейтерн»), и дружеские («Графиня, будьте вы спокойны!...»), и шуточные («А. А. Воейковой»). Последние составляют большинство.

Высокую частотность посланий среди миниатюр Жуковского (в миниатюрах Карамзина посланий совсем нет) мы объясняем расцветом жанра послания у арзамасцев и других поэтов 10–20-х годов. Р. В. Иезуитова, осмысливая наследие Жуковского, отмечала в его посланиях «высокое послание» с философско-психологической проблематикой, послания с психологической окраской, сатирические послания, отражающие борьбу карамзинистов и шишковистов (арзамасцев и беседчиков), шуточные, дружеские послания [11, с. 294 и др.]. Мини-

тюрты Жуковского создавались параллельно с «большими» посланиями и, как видим, отражали его типологию.

Исследователь композиции лирики Жуковского Р. А. Евсеева установила трехчастную композицию посланий: зачин, разработка, концовка [5]. Однако к мини-посланиям Жуковского скорее применим вывод А. Б. Есина [7] о двухчастности композиции всех миниатюр. Малый объем стимулирует яркие зачин и концовку, не оставляя места для разработки («Пришли Воейкова посланье, / Хочу ответ писать! / За песнь волшебную Орфея в воздыханье / Хочу вороной прокричать.» – «К Маше»).

Третье место среди миниатюр (15 %) занимает лирическая миниатюра, для которой, согласно исследованию этого жанра И. Л. Альми, характерны лаконизм высказывания, завершенность переживания; содержание ее заключается в обобщении по поводу излияния чувств, либо по поводу философичности мысли [1, с. 69]. И. Л. Альми утверждает, что лирическая миниатюра зарождается в русской поэзии в первой трети XIX в. в лирике К. Батюшкова, Е. Баратынского, А. Дельвига, А. Пушкина. Мы, оспаривая точку зрения И. Л. Альми, показали, что лирическая миниатюра функционирует уже в поэзии Карамзина, у которого мы выявили 29 лирических миниатюр (35 % от общего количества его миниатюр). Тем более, лирические миниатюры есть среди миниатюр Жуковского. Все они, по нашим наблюдениям, имеют законченность мысли и завершенность переживания. Завершенность переживания, как правило, маркируется афористичностью концовки: «О милых спутниках, которые наш свет / Своим сопутствием животворили, / Не говори с тоской: их нет, / Но с благодарностью: были» («Воспоминание»). Можно также обратить внимание на афористическую концовку в лирической миниатюре «Смерть». Лаконизм и двухчастность композиции придает даже традиционным в лирике темам особую значимость. Так, в лирической миниатюре «Дружба» дифирамб дружбе создается за счет изображения единения двух образов – разбитого перунами дуба и гибкого плюща, обвивающего поверженный дуб. Лирическая миниатюра Жуковского запечатлела философские размышления о смысле жизни («Кто слез на хлеб свой не ронял...»), о скоротечности времени («Первая утрата»), о судьбе человека («Судьба»). В последней миниатюре Жуковский провозглашает мужественное противостояние судьбе («С светлой главой, на тяжелых свинцовых ногах между нами / Ходит судьба! Человек, прямо и смело иди!»). Особое место среди лирических миниатюр Жуковского занимает стихотворение «Ты все жива в душе моей...», написанное, по данным А. С. Янушкевича, комментатора этого текста [9, с. 620], после смерти Марии Протасовой, любви всей жизни поэта. В восьми строках миниатюры и обобщенный образ возлюбленной («О светлый ангел прежних дней»), и воспоминание о счастье любви («Я испытывал любви сладость»), и утверждение вечной связи с любимой («Ты все жива в душе моей! / Нет, не покинула ты землю...»), и заключительное отчаяние («Но не воротится она!»). Таким образом, лирическая миниатюра, не ограниченная правилами других жанров, способствовала выражению самых различных законченных переживаний по поводу жизни и бытия.

Четвертую позицию по частотности занимает буриме (15 миниатюр, составляющих 9 % от общего количества миниатюр). Буриме – это литературная игра, при которой сочиняются стихотворения на заданные рифмы или темы. У Жуковского два цикла буриме (в первом 13 стихотворений и во втором – два), каждое из которых называется «Ответы на вопросы в игру, называемую секретарь». На заданные темы Жуковский находит веселые и остроумные ответы. Так, например, на вопрос «Какая разница, или разнота, т. е. разность?» он отвечает 4-стишием: «Светлана – ангел красоты / Тут я не вижу разноты! / Светлана – безобразность / Тут все – и разница, и разнота, и разность!». В другой миниатюре «Бык и роза» Жуковский дает ироничную, веселую формулировку по поводу разницы двух вынесенных в заглавие предметов: «<...> легко любви рука / Совет из роз букет для милого предмета; / А из быков нельзя связать букета!». Комментатор этого стихотворения О. Б. Лебедева считает, что «...именно Жуковский ввел игру Секретарь в павловский быт, а его ответы стали фактом поэтического творчества» [9, с. 543].

По частотности употребления следом за буриме идет эпитафия (13 стихотворений, составляющих 7 % от всех миниатюр). В этом жанре традиционно выделяются две группы: первая – реальная эпитафия, предназначенная для надгробной плиты; вторая – литературная – для читателей. У Жуковского эпитафии обоих видов. Примером реальной эпитафии является миниатюра «Стихи, вырезанные на гробе А. Д. Полторацкой»: «Как радость чистая, сердца влекла она; / Как непорочная надежда расцветала / Была невинность ей в со- путницы дана, / И младость ей свои все блага обещала. / Но жизнь ея – призрак! Пленил нас и исчез. / Лишь плачущим о ней гласит ея могила, / Что совершенное судьба определила / Не для земли, а для небес»). Она, по сведениям комментатора этого стихотворения А. С. Янушкевича [9, с. 427], была написана по просьбе родных А. Д. Полторацкой вскоре после ее смерти. Примером литературной эпитафии является стихотворение «Надгробие юноше»: («Плавал, как все вы, и я по волнам ненадежных жизни. / Имя мое Аганар. Скоро мой кончился путь. / Буря нежданно восстала; хотел я противиться буре, / Юный, бессильный пловец; волны умчали меня»). Жуковский сравнивает несчастливую жизнь юноши с морем, где нередко случаются бури, которым нельзя противостать. «Своеобразной автоэпитафией» считает О. Б. Лебедева [9, с. 629] стихотворение «Друзья, без горести на гроб взирайте мой!..».

Шестое место в миниатюрах Жуковского занимает басня (10 стихотворений, что составляет 5 % от всех миниатюр). Неожиданное появление басни – малого эпического жанра – среди лирических жанров объясняется представлениями поэта о басне, выразившимися в его статье «О басне и баснях Крылова». В статье, в частности, Жуковский говорит о двух типах басни: о краткой прозаической, «...в которой вымысел без всяких украшений», и о басне стихотворной, «...в которой вымысел украшен всеми богатствами поэзии» [10, с. 185]. Прозаические басни, считает Жуковский, писали Эзоп, Федр и Лессинг; «лучшим образцом» прозаических басен, по мнению Жуковского, «...могут быть <...> Лессинговы» [10, с. 184]. Из цикла девяти стихотворений, обозначенных во втором томе академического издания как «<Басни из Лессинга>», семь басен

имеют объем от четырех до семи строк, т. е. являются миниатюрами в широком смысле слова («Лисица и Обезьяна», «Конь и Бык», «Журавль и Лисица», «Алкид», «Дуб», «Пастух и Соловей», «Меропс»). Здесь примечательны два момента. Первый: басни Лессинга написаны прозой, а Жуковский перевел их гекзаметром. Второй: высокую оценку басням Лессинга Жуковский дал в 1809 году, а перевел почти десятилетие спустя – в 1818 году, тогда, когда, как отмечает С. А. Матяш, Жуковский начал активно разрабатывать гекзаметр, придав «ему жанрово-стилистическое многообразие» [17, с. 397]. Среди, по терминологии Жуковского, стихотворных басен – лаконичные «Комар», «Феникс и Голубка», «Амур и Мудрость».

Седьмая позиция – у жанра надписи (девять стихотворений, что составляет чуть менее 5 %). Во всех словарных определениях жанра подчеркивается прикрепленность текста надписи к надписываемому предмету. Более развернутую характеристику надписи дает ее исследователь О. А. Прокопович: «Надпись – это малый лирический жанр, ведущий происхождение от греческой эпиграммы... В жанре традиционен малый объем, четное количество строк в стихотворении, неэготивная субъектная организация, торжественный серьезный тон, вербализация хронотопа определенным кругом средств, среди которых выделяются использование указательных местоимений "сей", "этот", определяющих близость надписываемого предмета в восприятии читателя» [20, с. 21]. В числе надписываемых предметов в надписях Жуковского фигурируют Сардамский домик, солнечные часы, портрет (известных лиц и свой собственный). В надписях, относящихся к портретам известных писателей, Жуковский поэтически обозначает все их добродетели и таланты. Так, в миниатюре «К портрету Батюшкова» («С ним дружен бог войны, с ним дружен Аполлон! / Певец любви, отважный воин, / По дарованию достоин славы он, / По сердцу счастья достоин») автор отмечает его талант, который достоин счастья и славы. Своеобразием жанра надписи Жуковского можно считать нарушение открытого О. А. Прокопович принципа неэготивной субъектной организации: лирический субъект Жуковского и в этом жанре говорит о своих переживаниях: «И час, и день, и жизнь мелькают быстрой тенью! / Прошла моя весна с минутной красотой! / Прости, любовь! Конец мечтам и заблуждению! / Лишь дружба мирная с улыбкой предо мной!» («Надпись к солнечным часам в саду И. И. Дмитриева»).

Завершает перечень жанров стихотворной миниатюры Жуковского мадригал, характерные жанровые черты которого, как известно, – малый объем, похвала и остроумная концовка (пуант). В миниатюрах Жуковского пять мадригалов (это 3 % от всех миниатюр). Мадригалы Жуковский посвящал не только реальным женщинам, но и художественным образам («К Эрминии»). В мадригалах Жуковского к похвалам адресата добавляются и переживания восхваляющего лица. Так, в стихотворении с жанровой номинацией «Старик к молодой и прекрасной девушке, мадригал» повествование ведется от первого лица: старик без ума от предмета своего обожания и готов любить, не предполагая взаимности: «Как сладостно твоим присутствием пленяться! / И как опасно мне словам твоим внимать! / Ах, поздно старику надеждой обольщаться, / Но поздно ль, не имев надежды, обожать?»

Диахронический анализ жанрового состава миниатюр Жуковского сделан с учетом периодизации его творчества, предложенной А. С. Янушкевичем [23], выделившим пять периодов: 1) 1797–1807 – период нравственного усовершенствования и поэтического становления; 2) 1808–1814 – время эстетического самоопределения и новых поэтических форм; 3) 1815–1825 – эпоха романтических манифестов; 4) 1826–1839 – 30-е годы; 5) 1840–1852 – путь Жуковского к эпосу. Рассмотрение материала по периодам с определением набора и частотности жанров в каждом периоде позволяет говорить о следующем.

Стихотворные миниатюры появляются у Жуковского на протяжении всего творчества. Резкое (до 1 %) падение показателя миниатюр наблюдается только в последнее десятилетие, когда было написано лишь две миниатюры: послание «Елизавете Рейтерн» и одно детское стихотворение «Котик и козлик» из цикла «Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу и Александре Васильевне Жуковским». Больше всего миниатюр было написано во втором и третьем периодах (соответственно – 29 и 25 % от общего числа миниатюр) – в периодах формирования романтизма, ознаменованного, как известно, поисками новых форм. В эти же два периода среди миниатюр поэта – полный набор жанров (все восемь), тогда как в первом периоде функционировало шесть жанров, в четвертом – пять. Это – весьма примечательные факты. В связи с греческой эпиграммой М. Л. Гаспаров писал: «Малый жанр – отличное поле для эксперимента, и античные экспериментаторы умели им пользоваться» [4, с. 298]. Наши данные показывают, что первый русский романтик в эпоху поиска новых форм тоже активно экспериментировал с малым жанром.

Статистические данные позволяют определить траекторию функционирования отдельных жанров. Так, самый частотный среди миниатюр жанр эпиграммы лидирует (61 %) уже в первом периоде, продолжает удерживать первенство во втором и четвертом периодах. Мини-послание выступает вторым лидером (18 %) в первом периоде, третьим лидером (17 %) – во втором и достигает максимального показателя (33 %) в эпоху романтических манифестов, что связано с расцветом в эти годы жанра «большого» дружеского послания. Исключив из рассмотрения последний период ввиду малочисленности миниатюр, о жизни остальных жанров скажем следующее: к лирической миниатюре Жуковский обращался в каждом периоде, ее максимальный показатель (27 %) в четвертом периоде – в 30-е годы; постоянное место в жанровом репертуаре миниатюр занимает эпитафия (ее пик – 15 % – в 30-е годы); малочастотный мадригал функционирует в первых трех периодах, потом исчезает; надпись появляется позже, но остается в репертуаре в течение трех периодов; место буриме – во втором и третьем периодах.

Подведем итоги. Синхронический анализ выявленных 183 миниатюр Жуковского показал художественную эффективность всех восьми жанров, в них функционирующих. Жуковский успешно освоил жанры, разработанные предшественником – главой сентименталистов Н. М. Карамзиным (эпиграмма, эпитафия, мадригал, надпись, лирическая миниатюра), – и расширил палитру за счет дружеского послания, буриме, басни. Обилие жанров позволило поэту выразить комплекс самых разных переживаний. Выявленные и проанализиро-

ванные жанры показали разного Жуковского – и патетического, и философствующего, меланхолического, и насмешливого, озорного.

Диахронический анализ показал, что предпочтение Жуковским тех или иных жанров в разные периоды творчества определяется эстетическими исканиями поэта и общими тенденциями его жанрово-стилевого развития.

Библиографический список

1. Альми, И. Л. Миниатюра в русской лирике первой трети XIX века (Батюшков, Баратынский, Дельвиг, Пушкин) / И. Л. Альми // Ученые записки Владимирского педагогического института. Серия: Литература. – 1969. – Т. 19, Вып. 4. – С. 67–95.

2. Артёмова, С. Ю. Послание стихотворное / С. Ю. Артёмова // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий ; под ред. Н. Д. Тмарченко. – М. : Изд-во Кулагиной, 2008. – С. 177–178.

3. Баймиева, В. Ю. Жанр прозаической миниатюры в русской литературе второй половины XX века / В. Ю. Баймиева // Филологические науки. – 2016. – № 9. – С. 10–12.

4. Гаспаров, М. Л. Древнегреческая эпиграмма / М. Л. Гаспаров // Избранные труды. – Т. 1. О поэтах. – М. : Языки русской культуры. – С. 291–316.

5. Евсеева, Р. А. Композиция жанра дружеского послания в творческом воплощении В. А. Жуковского / Р. А. Евсеева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 5. – С. 14–20.

6. Есин, А. Б. Похвальное слово миниатюре / А. Б. Есин // Русская стихотворная миниатюра. – М., 2005. – С. 3–19.

7. Есин, А. Б. Стихотворная миниатюра в системе жанров русской лирики / А. Б. Есин // Филологические науки. – 1995. – № 4. – С. 22–30.

8. Жуковский, В. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. – Т. 1. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 760 с.

9. Жуковский, В. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. – Т. 2. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 840 с.

10. Жуковский, В. А. Эстетика и критика / В. А. Жуковский ; подг. текста, сост. и примеч. Ф. З. Кануновой, О. Б. Лебедевой, А. С. Янушкевича. – М. : Искусство, 1985. – 431 с.

11. Иезуитова, Р. В. Шутливые жанры в поэзии Жуковского и Пушкина 1810-х годов / Р. В. Иезуитова // Пушкин. Исследования и материалы : сборник статей. – Т. X. – Л. : Наука, 1982. – С. 22–47.

12. Канунова, Ф. З. Вопросы мировоззрения и эстетики В. А. Жуковского: По материалам библиотеки поэта / Ф. З. Канунова. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1990. – 182 с.

13. Кирилличева, Е. Д. Лирическая миниатюра Н. М. Карамзина / Е. Д. Кирилличева // Филологические чтения: материалы Международной научно-практической конференции (Оренбург, 15–16 декабря 2016 г.). – Оренбург : Университет, 2017. – С. 516–521.

14. Литинская, Е. П. Жанр эпиграммы в творчестве В. А. Жуковского / Е. П. Литинская // Вестник Нижегородского университета. – 2017. – № 2. –

С. 222–226.

15. Матяш, С. А. Метрика и строфика В. А. Жуковского / С. А. Матяш // Русское стихосложение XIX в. – М. : Наука, 1979. – С.14–96.

16. Матяш, С. А. Неизданное «Общее оглавление» последнего прижизненного собрания сочинений В. А. Жуковского (к вопросу о жанровой системе поэта) / С. А. Матяш // Русская литература. – 1974. – № 2. – С. 150–154.

17. Матяш, С. А. Стих Жуковского – лирика / С. А. Матяш // Жуковский, В. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. – Т. 2. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 387–421.

18. Налдеева, О. И. Стихотворная миниатюра в жанровой системе современной лирики республики Мордовия / О. И. Налдеева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2011. – № 4. – С. 41–47.

19. Николаев, С. И. Три века русской эпитафии / С. И. Николаев, Т. С. Царькова // Русская стихотворная эпитафия. – СПб. : Академический проект, 1998. – С. 5–44.

20. Прокопович, О. А. Жанр надписи в русской поэзии XVIII – первой трети XIX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. А. Прокопович. – Новосибирск, 2000. – 22 с.

21. Семенко, И. М. Жизнь и поэзия Жуковского / И. М. Семенко. – М. : Художественная литература, 1975. – 255 с.

22. Эйхенбаум, Б. М. Мелодика русского лирического стиха / Б. М. Эйхенбаум. – Пг. : ОПОЯЗ, 1922. – 199 с.

23. Янушкевич, А. С. Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского / А. С. Янушкевич. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1985. – 285 с.